

- ⁴ Понкратов А. Круги ада Александра Васильевича Сухова-Кобылина, или Кто сказал, что у нас нет русского Данта. URL: <http://www.netslova.ru/ponkratov/dant.html> (дата обращения : 12.02.2012).
- ⁵ Лотман Л. Указ. соч. С. 487–488.
- ⁶ Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1951. Т. 5. С. 94.
- ⁷ Там же. Т. 4. С. 15.
- ⁸ Сухово-Кобылин А. Указ. соч. М., 1966. С. 182.
- ⁹ Гоголь Н. Указ. соч. Т. 1. С. 65.
- ¹⁰ Сухово-Кобылин А. Указ. соч. С. 275.
- ¹¹ Там же. С. 124.

- ¹² Гоголь Н. Указ. соч. Т. 4. С. 67.
- ¹³ Там же. С. 49.
- ¹⁴ Сухово-Кобылин А. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁵ Гоголь Н. Указ. соч. Т. 5. С. 58.
- ¹⁶ Там же. С. 92.
- ¹⁷ Сухово-Кобылин А. Указ. соч. С. 259.
- ¹⁸ Цит. по: Лит. газ. 1848. № 11. С. 167.
- ¹⁹ Белинский В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1954. Т. 4. С. 355.
- ²⁰ Дурова Н. Записки кавалерист-девицы. М., 1962. С. 124.
- ²¹ Сухово-Кобылин А. Указ. соч. С. 224.

УДК 821.161.1–3.09+929 Вагинов

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ К. ВАГИНОВА

Е. Н. Жаднова

Саратовский государственный университет
E-mail: lorelei88-88@mail.ru

В статье исследуется проблема Петербургского текста русской литературы в творчестве Константина Вагинова, его соотношение с классическим Петербургским текстом А. Пушкина, Ф. Достоевского, Н. Гоголя.

Ключевые слова: Петербургский текст, Ленинградский текст, ОБЭРИУ, К. Вагинов, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Д. Хармс, эсхатологический миф, природа, культура.

K. Vaginov's Petersburg Text

E. N. Zhadnova

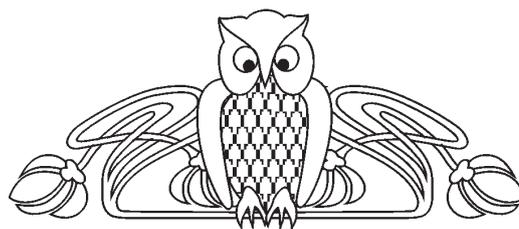
The article studies the problem of Petersburg text of the Russian literature in the literary works by Konstantin Vaginov, its correspondence to the classical Petersburg text of A. Pushkin, F. Dostoevsky, N. Gogol.

Key words: Petersburg text, Leningrad text, Association of Real Art, K. Vaginov, A. S. Pushkin, N. V. Gogol, D. Kharms, eschatological myth, nature, culture.

Вопрос о границах Петербургского текста русской литературы до сих пор остается дискуссионным. З. Г. Минц связывает его окончание с закатом символизма и акмеизма. М. Амосин, М. Рождественская полагают, что Петербургский текст русской литературы продолжается и в советское время, перерождаясь в Ленинградский.

Исследуя Петербургский текст русского авангарда, мы убедились в наличии практически всех маркеров классического Петербургского текста русской литературы в поэзии футуристов и обэриутов. В то же время очевидно, что эти маркеры представителями авангарда переосмысливаются, трансформируются, наделяются новыми коннотациями.

В настоящем исследовании мы обращаемся к творчеству К. Вагинова, участника авангардных литературных групп «Аббатство газров» и «Кольцо поэтов». В. Топоров считает его «закрывателем

Петербургского текста русской литературы»¹. Петербургское происхождение писателя позволяет вписать его произведения в особый инвариант петербургского сверхтекста, обозначаемый как «петербургский текст писателей-петербуржцев», объединенных идеей причастности к судьбе города.

В своих произведениях К. Вагинов сохраняет основные элементы Петербургского текста русской литературы.

Природный комплекс Петербурга в творчестве Вагинова представлен типичными для классического Петербургского текста климатическими зарисовками: Петербург – город дождей и туманов: «и выйти на Неву в туман, туман косматый»², «промозглый Питер» (601), «шел дождь мелкий, косой» (32). Подчеркиваются исключительно петербургские природные явления: белые ночи: «в городе ежегодно звездные ночи сменялись белыми ночами» (25), «наступившая белая ночь, дрожащая, похожая на испарение эфира, все более опьяняла его» (152); особое петербургское небо: «и небо, сладчайшее петербургское небо, бледненькое, голубенькое, слабенькое, куполом опускалось над Тептелкиным» (170). Традиционный петербургский конфликт природы и цивилизации заставляет Вагинова расширить пространственные границы от центра к периферии: писатель обращается к живописным пригородам Петербурга – Петергофу, Токсово. Герои пытаются спастись от города на лоне природы, но она оставляет их равнодушными: «... природа не вызывает душевного волнения» (199).

Материально-культурная сфера Петербурга представлена в произведениях К. Вагинова памятниками архитектуры, культуры и литературы. Однако известные архитектурные и культурные реалии, а также значимые городские локусы скорее упоминаются, нежели описываются,

петербургский топоним используется лишь для обозначения места действия: «вдали опять Адмиралтейская игла заблещет» (492), «Молодые люди скрылись на Невском» (35), «Пойдем, Сережа, в Летний сад!» (35).

Внимание Вагинова привлекают изменения, происходящие в материально-культурной сфере Петербурга–Ленинграда. Происходит парадоксальное вторжение новых реалий в традиционный питерский пейзаж: «Куку поехал на автобусе к Екатерининскому дворцу, превращенному в музей...» (191), «в ворота Адмиралтейства въезжала телега» (192), «вверху небольшой аэроплан удалялся по направлению к Петропавловской крепости» (192). На фоне имперского города появляются новые атрибуты цивилизации – автобус, аэроплан, дворец превращается в музей.

Доминантой культурной сферы Петербургского текста русской литературы является образ Медного всадника, отсылающий нас к поэме А. Пушкина. В романе К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» звучит основная тема пушкинской поэмы – тема возмездия: жители города расплачиваются за совершенную Петром I ошибку.

Устойчивый мотив Петербургского текста – бунт маленького человека против грозного властителя, обреченного на страдания. Заданный А. Пушкиным мотив («...И зубы стиснув, пальцы сжав, как обуянный силой черной, “Добро, строитель чудотворный! – шепнул он, злобно задрожав, – Ужо тебе!”...»³) повторяется во многих произведениях, но характер брошенных кумиру обвинений меняется. В «Крестовых сестрах» А. Ремизова Маракулин обращается к правителю: «Петр Алексеевич... Ваше императорское Величество, русский народ настой из лошадиного навоза пьет и покоряет сердце Европы за полтора рубля с огурцами. Больше я ничего не имею сказать!»⁴. А герой Вагинова грозит Петру кулаком и обличает: «Мы вам хлеба, – а вы нам париков. От тебя все погромы...» (265). В схожих ситуациях все герои находятся в предельном эмоциональном напряжении, но бунт «бедного Евгения» предельно абстрактен, он не эксплицирует претензий, а лишь содержит бессильную угрозу. Модернистская поэтика «Крестовых сестер» позволяет растворить в абсурдном монологе обезумевшего Маракулина все обиды маленьких людей, виновником которых в конечном счете является основатель города. Герой Вагинова более конкретен: он считает, что прорубленное в Европу окно не принесло России никакой пользы, только парики (ненужные атрибуты европейской культуры) и погромы (вредные идеи). У Пушкина и Ремизова герои молоды, у Вагинова это «седобородый человек» «в длиннополом позеленевшем пальто» – воплощение всех петербургских героев русской литературы, грозивших некогда Медному всаднику. С одной стороны, образ эфемерного старика, подобно «Старухе» Хармса, символизирует закат истории Петербурга; с другой – вновь и

вновь возвращаясь к памятнику, он свидетельствует о неизбежности этой истории. Сюжет, некогда воплощенный в поэме Пушкина, повторяется на протяжении двух веков русской литературы в разных вариациях и становится неотъемлемым элементом Петербургского текста.

К. Вагинов фиксирует изменение аксиологии Петербурга: нет больше образа имперского города, нет воспевшего его поэта. Имя Пушкина в творчестве авангардистов служит объектом пародий и анекдотов (достаточно вспомнить Д. Хармса). У Вагинова оно становится нарицательным, обыденным, предметным: «В чемоданчике бок о бок с Пушкиным лежали телятина, ростбиф, ножи, вилки...» (228). Герой романа «Труды и дни Свистонова» Куку предлагает сжечь пушкинские реликвии «как сеющее вредные мысли и вызывающее вредные желания» (203). При этом трудно понять, кому – современникам, опощающим наследие поэта, или самому поэту, не способному предвидеть происходящие с миром катастрофические изменения, – адресована скрытая за сарказмом обида.

Важную роль в поэтике Петербургского текста всегда играл цвет. В «Медном всаднике» А. С. Пушкина цветовая гамма размыта, но тем и значима: «редеет мгла»⁵, «бледный день»⁶, «глаза подернулись туманом»⁷, «озарен луною бледной»⁸. Город предстает туманным, эфемерным, зыбким. В «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского преобладающий цвет желтый, ассоциирующийся с болезнью, сумасшествием. В романе «Петербург» А. Белого основная цветовая тема – желтый и красный, где желтый – цвет востока, красный – кровавый цвет опасности, революции. За всеми этими цветовыми характеристиками стояли живые петербургские реалии, хотя и наделенные дополнительными символическими значениями.

В петербургском локусе К. Вагинова неожиданно доминирует *зеленый цвет*: «Петербург окрашен для меня с некоторых пор в зеленоватый цвет, мерцающий и мигающий, цвет ужасный и фосфорический. И на домах, и на улицах, и в душах дрожит зеленоватый огонек, ехидный и подхихикивающий» (23). К. Вагинов специфически трактует символику зеленого цвета, соотносит зеленоватый фосфорический цвет с inferнальным миром, навевающим ужас. Костя Ротиков и неизвестный поэт называют город «черно-зеленой паутиной». Черно-зеленый цвет города, цвет болота, отсылает нас к мифу об основании города. Для Вагинова Петербург – «обулыженное болото». Здесь воплощается легенда о строительстве города: закладка крепости на Заячьем острове – заболоченном необитаемом месте.

Рождение Петербурга вопреки законам природы порождает мотив искусственности города. Петербург часто предстает неестественным, выдуманным: «Днем сверху город производил впечатление игрушечного, деревья казались не

выросшими, а расставленными, дома не построенными, а поставленными. Люди и трамваи – заводными...» (268). Образ «заводных» людей – петербуржцев – создает атмосферу театра, где герои – марионетки, а автор – кукловод. Театральность, игра порождают мотивы двойничества и миража. Нельзя угадать, где реальность, а где фальшь и иллюзия.

Как и в «Невском проспекте» Гоголя, Петербург Вагинова обманчив. Автор «Невского проспекта» предупреждает: «Какой-то заманчивый чудесный свет, всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется...»⁹. У К. Вагинова в Петербурге происходит подмена реальности, создается атмосфера inferнального города: «Мигнет огонек – и не Петр Петрович перед тобой, а липкий гад; взметнется огонек – и ты сам хуже гада» (23). Петербуржцы у Гоголя описаны иронически, их ненатуральная красота оборачивается пошлостью, любовь обесценивается. Гоголевские почтенные старики, «заглянув под шляпку издали завиденной дамы»¹⁰, обнаруживают там «толстые губы и щеки, нащекатуренные румянами»¹¹. В романах Вагинова человеческая красота и любовь уже окончательно исчезают с улиц города. Тептелкин «обгоняет прохожих и делает то, что он никогда до сих пор не делал, – заглядывает под шляпки. Он ищет самую уродливую, чтоб не могло быть и речи о любви» (102). Жители-петербуржцы подобны насельникам болота: «... и по улицам не люди ходят: заглянешь под шляпку – змеиная голова; всмотришься в старушку – жаба сидит и животом движет...» (31). Герои приобретают звериные черты: «старушка-жаба» (31), «птицеголовые барышни» (58), «А, вот вы где, змеи! – ехидно прошипел Тептелкин» (95), «и имыгнула в дверь, прощуривав платьем, как змея хвостом» (105).

Все эти гротескные образы многозначны и многофункциональны. Они актуализируют символику петербургского болота, но в то же время и темного мира, ада. Эти же образы позволяют Вагинову иронически переосмыслить идею города – музея под открытым небом. Город, поражающий архитектурным великолепием, обширным культурным пространством, сужается до кунсткамеры – музея уродов. Главный герой романа «Труды и дни Свистонова» называет город «кунсткамерой, собранием интересных уродов и уродцев» (259).

Интересно проследить, как за столетие меняется образ петербуржца: обезумевший бедный Евгений Пушкина, потерявший нос майор Ковалев Гоголя, больные, преступные, испорченные герои Достоевского, незнакомки и пьяницы Блока, бражники и блудницы Ахматовой. Но самые радикальные изменения в облике горожан запечатлевает авангард: Маяковский констатирует, что в 1916 г. «из Петербурга исчезли красивые люди»¹², «туман с кровожадным лицом каннибала жевал невкусных людей»¹³, его город населяют «человек без глаза и ноги», «человек без головы». Но это все еще люди. Вагинов идет дальше – его романы

населяют амфибии и рептилии в человеческом обличии. Вышедший из болот город постепенно вместе со своими жителями возвращается в болото. Это еще один вариант реализации центрального эсхатологического мифа Петербургского текста.

К. Вагинов, как и обэриуты, соотносит смерть города со временем переименования Петербурга в Ленинград. Сам писатель в романе «Козлиная песнь» называет себя «гробовщиком», а своих героев – «покойниками»: «И любит он своих покойников, и ходит за ними еще при жизни, и ручки им жмет, и заговаривает, и исподволь доски заготавливает, гвоздики закупает, кружев по случаю достает» (24). Если в классическом Петербургском тексте гибель города представлена в трагически-возвышенных тонах, то Вагинов иронизирует даже над смертью.

Герои произведений Вагинова находятся на пограничье времен и ощущают опустошенность, разочарование в наступившем новом времени: «Шел Троицин. Он очень любил Петербург. Для него некогда город был Сирином Райской птицей, звал его город своими огнями <...> Но неожиданно для всех и для него, в нем умерла Сирина Птица» (153). Легендарная птица Сирина всегда пела песни о грядущем блаженстве. Теперь этих надежд нет, и Сирина превращается в птицу Алконост, возвещающую смерть. «Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград; но Ленинград нас не касается» (24). Пограничный в пространстве Петербург становится пограничным во времени. Есть время «до» переименования и время «после»: «И мы летим над бывшим градом, над лебединою Невой, над поредевшим Летним садом, над фабрикой с большой трубой» (579). Для героев Вагинова город перестает существовать вместе со всеми своими атрибутами и ориентирами: «Свистонову хотелось вновь надеть студенческую фуражку <...> выйти в ночной город, где было Адмиралтейство со своим шпилем, Главный штаб, арка, церковь св. Екатерины, Городская Дума, здание Публичной библиотеки. Ему хотелось молодости...» (173). Все это было, но ушло навсегда. Исследователи обращают внимание на апокалиптические мотивы в петербургских произведениях Вагинова: «Время останавливается, знаменуя собой подобное описанному в Апокалипсисе наступление конца старого мира»¹⁴. Как отмечает В. Топоров, «история Петербурга мыслится замкнутой; она не что иное как временный прорыв в хаосе. Миф сначала рассказывает, как из хаоса был образован космос, из преисподней – “парадиз” в виде петровского Петербурга и заканчивается эсхатологическим повествованием»¹⁵ – гибелью города – хаосом. Таким хаосом Вагинов и многие его современники видят Ленинград.

К. Вагинов посвящает Ленинграду стихотворение «Украшение берегов», своим торжественно-возвышенным стилем отдаленно напоминающее поэму «Медный всадник»: «Суровы берега, трудами взятые – мы их железным говором наполним;

мы там поставим самые прямые статуи, которые когда-либо смотрели в волны» (582). Если у Пушкина «По оживленным берегам громады стройные теснятся дворцов и башен; корабли толпой со всех концов земли к богатым пристаням стремятся»¹⁶, то у Вагинова доминантой Ленинграда становятся промышленные стройки, заводские трубы: «И там увидит, над заливом стоя, как город блещущий, бездонный, гулкий вырастает красным мясом новостроек в щетинистую даль от Токсова до Пулкова» (583). «Тихий» Петербург сменяется громким, гулким, с железным говором Ленинградом.

У нового города появляется новый демиург – Ленин: «Над постаментом праздничным и строгим прищурит Ленин бронзовые веки» (582).

Петербургские реалии смешиваются с новыми, ленинградскими: «Свистонов смотрел из окна на этот район, где встретились театр, “Молокосоюз” и аптека» (173), «над каналом, против Домпросвета, ходит Костя Ротиков» (156). В романе «Гарпагопиана» уже полностью преобладает ленинградский топос. Старые петербургские приметы появляются только тогда, когда необходимо отметить их режущее глаз искажение, деформацию («дико окрашенный вокзал» (408)) или нелепое переименование – вместо Невского проспекта – «проспект 25 Октября» (409). Писателя – коренного петербуржца, подобные изменения приводят в ужас.

К. Вагинов чувствует личную ответственность за судьбу Петербурга: «На снежной горе, на Невском, то скрываемый вьюгой, то вновь появляющийся, стоит неизвестный поэт: за ним – пустота. Все давно уехали. Но он не имеет права, он не может покинуть город. Пусть бегут все, пусть смерть, но он останется и высокий храм Апполона сохранит» (34). В этом своем чувстве Вагинов поразительно близок Хармсу, в дневнике которого сохранилась запись: «Я сидел на крыше Госиздата и наблюдал, все ли в порядке, потому что едва чего не досмотришь, как что-нибудь случится. Нельзя оставлять город без призора. А кто за городом

смотреть будет, как не я? Если где беспорядок какой, так сейчас же мы его и прекратим...»¹⁷. Для обоих авторов писатель – хранитель города, его отец: «И вот один среди болот, покинутый потомками своими, певец-хранитель город бережет орлом слепым над бездыханным сыном» (533). Только он способен запечатлеть историю города, сохранить образ родного Петербурга.

Петербург К. Вагинова продолжает трагические страницы Петербургского текста русской литературы. Выразительная авангардная поэтика вагиновских произведений оказалась действенным средством эстетического и историософского осмысления судьбы Петербурга и шире – России.

Примечания

- ¹ Топоров В. Петербургский текст. М., 2009. С. 661.
- ² Вагинов К. Козлиная песнь : Романы. Стихотворения и поэмы. М., 2008. С. 501. В дальнейшем все произведения К. Вагинова приводятся по данному изданию с указанием страницы в тексте работы.
- ³ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1963. Т. 4. С. 393.
- ⁴ Ремизов А. Крестовые сестры. М., 1989. С. 115.
- ⁵ Пушкин А. Указ. соч. С. 278.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 286.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1938. Т. 3. С. 15.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Маяковский В. Собр. соч. : в 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 113.
- ¹³ Там же. С. 13.
- ¹⁴ Кибальник С. Путешествие в блоковский хаос (Константин Вагинов) // Александр Блок : Исследования и материалы. СПб., 2011. Т. 4. С. 102.
- ¹⁵ Топоров В. Указ. соч. М., 2009. С. 677.
- ¹⁶ Пушкин А. Указ. соч. С. 275.
- ¹⁷ Хармс Д. «Горло бредит бритвою» // Глагол. 1991. № 4. С. 88.